

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А16

Предисловие *Андрея Туркова*

Разработка художественного оформления серии
А. Бондаренко

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы репродукции картин «Влюбленные» (© Русский музей) и «В дороге» (© Самарский областной художественный музей) художника *Г. М. Коржева*.

Репродукции картин публикуются при участии и с разрешения «Фонда культурного и исторического наследия Гелия Коржева».

Фотография на корешке суперобложки:
© *Анатолий Гаранин* / РИА Новости

А16 **Абрамов, Федор Александрович.**
Деревянные коны. Повести. Рассказы / Федор Абрамов. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-04-109085-2

Федор Абрамов — русский писатель, понимавший опасность догм, упрощенных суждений об истории, стране, народе, человеке. Художник-провидец, признававший несправедность бюрократической системы, считал невозможными никакие благотворные социальные преобразования в стране без интеллектуального и нравственного развития каждой отдельной личности. В своих произведениях писал о трагедии раскулачивания, о репрессиях, о непосильных налогах, о разрушении малых деревень — о трагедии народа и человека, которому не давали достойно жить, работать, думать. Романы, повести, рассказы, публицистика Ф. Абрамова — летопись народной жизни почти за полвека.

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109085-2

© Абрамов Ф. А., наследники, 2020
© Турков А. М., предисловие, наследник, 2011
© Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург), иллюстрация на суперобложке, 2020
© Самарский областной художественный музей (г. Самара), иллюстрация на суперобложке, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Содержание

Андрей Турков. ПРЕДИСЛОВИЕ

9

ПОВЕСТИ

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНИ

27

ПЕЛАГЕЯ

61

БЕЗОТЦОВЩИНА

134

ПОЕЗДКА В ПРОШЛОЕ

185

МАМОНИХА

215

РАССКАЗЫ

В ПИТЕР ЗА САРАФАНОМ

267

СОСНОВЫЕ ДЕТИ

277

СТАРУХИ

301

СОДЕРЖАНИЕ

О ЧЕМ ПЛАЧУТ ЛОШАДИ	
	314
ЗОЛОТЫЕ РУКИ	
	322
ИЗ КОЛЕНА АВВАКУМОВА	
	324
СЛОН ГОЛУБОГЛАЗЫЙ	
	337
САМАЯ СЧАСТЛИВАЯ	
	345
А ВОЙНА ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛАСЬ	
	347
БАБИЛЕЙ	
	351
КУСТ РУКОТВОРНЫЙ	
	365
ЖАРКИМ ЛЕТОМ	
	369
ЕСТЬ, ЕСТЬ ТАКОЕ ЛЕКАРСТВО!	
	388

ТРАВА-МУРАВА
(избранное)

I	
Памятник	
	393
Вкус победы	
	394
САМАЯ ВЫСОКАЯ НАГРАДА	
	394

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗКА

395

МАРТЫНОВ ТУЕС

397

РАСЧИЩЕННЫЙ ЗАУЛОК

397

II

ХЛЕБНАЯ КОРКА

398

СЛОВО ПОМОГЛО

399

РОДНИЧОК

400

НАДЕЖДЫ И СТРАХ

401

КОГДА С БОГОМ НА «ТЫ»

401

III

ПЯС С ЛАДОШКИ

402

СТРОЙНОЕ МЕСТО

402

НА СТРАДУ С ТОГО СВЕТА

403

ОТКУДА В ДОМ ПРИШЛО СЧАСТЬЕ

403

IV

МАТЬ И СЫН

404

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛЬКИНА ЛЮБОВЬ	
	404
	V
ОФИМЬИН ХЛЕБЕЦ	
	405
УРОК ВОСПИТАНИЯ	
	406
КОЛДУНЬЯ	
	407
О ЧЕМ ДУМАЛ ЖЕНЬКА ПЕРЕД СМЕРТЬЮ	
	408
	VI
УРОК	
<i>(Рассказ старого рабочего)</i>	
	409
ЗАРОК БЛОКАДНИЦЫ	
	410
ПЛАН ВЫПОЛНЯЕМ	
	411
ЗАВЕТ ОТЦА	
	411
КАК НИНА ВЫЛЕЧИЛА СЫНА ОТ ЖЕСТОКОСТИ	
	412
ЕСЛИ ПОЖАЛЕТЬ ПТИЦУ	
	413
РУСЬ УХОДЯЩАЯ	
	413
СЕКРЕТ ВРАЧЕВАНИЯ	
	414

ПРЕДИСЛОВИЕ

На войну Федор Абрамов ушел добровольцем со студенческой скамьи. Синявинские болота под Ленинградом, где ему выпало воевать, накрепко запомнились многим.

Я сплю,
подложив под голову
Синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и Неву, —

писал впоследствии Александр Межиров, создавая обобщенный, гигантский образ солдата.

В жизни все было будничней и в то же время в чем-то многозначительней: невеликий ростом боец Абрамов «упирался» душой в свои северные, дальние края, откуда редко доходили до него весточки, но где были все его корни.

Он снова попал туда в отпуск после тяжелого ранения. Ну что, казалось бы, могло его поразить после фронта и госпиталя в блокадном городе? Но когда видишь, что к вековым трудностям жизни и работы в этом суровом краю прибавляются новые заботы, тяготы и лишения, когда невесомые листки «похоронок» — извещений о гибели отцов, мужей, братьев — рушат судьбы и семьи, когда люди надрываются от непосильного труда...

Долгим был путь к первой книге об этом.

После демобилизации Абрамов вернулся в Ленинградский университет, в 1948 году окончил его и поступил в аспирантуру. Три года спустя защитил кандидатскую дис-

сертацию, стал преподавателем, а позже — заведующим кафедрой советской литературы.

В этом неуклонном, по-крестьянски основательном и упорном восхождении примечательны два момента.

Один — выбор темы для диссертации. Конечно, Абрамов не первый и не последний, кто занимался исследованием «Тихого Дона» и «Поднятой целины». И все же в обращении будущего автора «Пряслиных» к изучению именно шолоховского опыта невольно подозреваешь подспудные, быть может, тогда самим диссертантом еще ясно не осознаваемые побудительные мотивы...

Другой существенный момент предыстории абрамовских книг — это его полемическая статья, опубликованная в 1954 году в журнале «Новый мир», — «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе». Остро критикуя целый ряд произведений (дотоле восславлявшихся прессой и награжденных высокими премиями) за приукрашивание реальной жизни, автор писал, что «нужна только правда — прямая и нелицеприятная...».

Перечитывая эти строки ныне, думаешь, что пишущий не подает прекраснодушные советы «со стороны», а, говоря словами поэта, сам «собрался в дорогу, выбрал маршрут» и вдумчиво взвешивает, какие трудности ему предстоят и с чем придется спорить.

Он задумывал свою первую книгу еще в пору, когда официальная пропаганда всячески превозносила заслуги Сталина в одержанной Победе и явно умаляла роль народа — тех «братьев и сестер», к которым обратился вождем в первые трагические дни сорок первого года. И называя свой роман «Братья и сестры», Абрамов настойчиво напоминал об истинных героях не просто книги — войны.

И пусть в этом «дебютном» произведении автор еще только осваивается с ролью повествователя, подбирает ключи к читательскому сердцу, но уже здесь ощутимо желание приохотить нас к своему, мало воспетому в литературе родному краю и его обитателям.

В целой веренице изображенных в книге лиц еще не угадывалось, кому предстоит стать главными, кому — второстепенными. Так бывает в забегах на длинную дистанцию, когда спортсмены вначале еще бегут почти слитной массой, несколько тесня друг друга.

И все-таки, все-таки... Когда десятки лет спустя московский Театр на Таганке поставит спектакль по абрамовским повестям, он начнется выразительной мизансценой: перед зрителями возникнут группы мужчин и женщин, молчаливо и строго глядящих в зал. И нечто похожее произошло в первой же книге писателя: еще не прочно или довольно наивно связанные между собой фабулой, герои тем не менее привлекали своими реальными тяготами, заботами, радостями.

Вот одна из лучших страниц романа: недавний простодушный подросток Мишка Пряслин разглядывает заплаканную, лишь к утру забывшуюся тяжелым сном после получения «похоронки» мать:

«Никогда он не задумывался, какая у него мать. Мать как мать — и все тут. А она вот какая — маленькая, худенькая и всхлипывает во сне, как Лизка. А вокруг нее по обе стороны рассыпанной поленницей ребятишки...»

И читатель с болью представляет себе, сколько таких «поленниц» в те годы каждый день возникало на нашей земле...

В эти горестные дни и происходит подлинное человеческое рождение Михаила, хотя внешне и по многим поступкам он еще остается мальчишкой. На его полудетские плечи, «обтянутые старой, выгоревшей отцовской гимнастеркой», ложится нелегкий груз долга перед обезглавленной семьей. И не только за домашним столом занимает он отцовское опустевшее место, но и на колхозных работах сменяет матерых мужчин (не без совершенно ребяческого упоения положением «взрослого»!).

О том, каково пришлось ему и всей пряслинской семье, рассказано в следующем романе писателя «Две зимы и три лета»: «С осени до весны на лесозаготовках, потом

сплав, потом страда — по неделям преешь на дальних сенокосах, — потом снова лес. И так из года в год».

Председательница пекашинского колхоза Анфиса Минина, сама великая труженица, говорила, что «за первого мужика Михаил всю войну выстоял».

Тяжко приходится «братьям и сестрам» и в наступившие мирные годы. Драматичны судьбы и Пряслиных, которые все больше выходят на первый план повествования, и недавнего фронтовика Ильи Нетесова, истового труженика, выбывающегося из сил в тщетных попытках прокормить семью, и вернувшегося из плена Тимофея Лобанова. «Как болотная сосенка-заморыш» выглядит любимая сестра Михаила, не покладающая рук Лиза, да и меньшие братья — «худощие, бледные, как трава, выросшая в подполье».

Многообразно показан в книге жестокий административный нажим на деревню (чего стоят хотя бы сцены «добровольной» подписки на заем!). Секретарь райкома партии Подрезов столь ретиво исполняет все директивы и указания, что, по горестному выражению одного из персонажей, не вожжи в руках держит, а — «удилами рот рвет». «Я ведь только и знаю, что кнутом размахиваю», — горько говорит и новый председатель колхоза Лукашин (когда же он решил немного подкормить плотников, сооружавших необходимый колхозу коровник, то угодил в тюрьму за «незаконное разбазаривание зерна»).

По выражению языкастого пряслинского приятеля Егорши, пекашинцы все время попадают из одного хомута в другой и никак из нужды выбиться не могут, если не идут путем самого Егорши, который всеми правдами и неправдами вырывается из деревни, ловко пользуясь при этом разными очередными громкими лозунгами и кампаниями. «Чтобы подвеситься к ним и полетел куда захотел», — похохатывает этот ловкач, ухитрившийся прослыть «передовиком» и попасть в фавор к начальству.

«Вы написали книгу, какой еще не было в нашей литературе, — писал Абрамову Александр Твардовский, прочи-

тав рукопись романа «Две зимы и три лета», которая была вскоре опубликована в возглавляемом им журнале «Новый мир». — ...Книга полна горчайшего недоумения, огненной боли за людей деревни и глубокой любви к ним...»

«Пути-перепутья» — так озаглавлен следующий роман писателя, полный все той же неостывающей боли за происходящее в деревне. «Четыре года войны... да шесть после войны... — вырывается однажды даже у Подрезова. — Итого десять лет. Десять лет у людей на уме один кусок хлеба».

Не может не вызвать недоумения и негодования разительный контраст между по-прежнему трудными буднями совестливейшего, работающего Михаила и удачливостью его бывшего приятеля. Происходящее можно охарактеризовать словами, сказанными самим Абрамовым по поводу сходной ситуации в повести вологжанина Александра Яшина «Сирота»: «Произошло как бы смещение ценностей: растили и вскармливали сорняк, а доброе зерно оставалось без присмотра».

С образа Егорши зарождается у автора и все более крепнет тревожная тема опаснейшего смещения в человеческих душах, умонастроениях, общественной психологии.

Казалось бы, только радоваться надо разительным переменам, которые наконец-то произошли на родине героев — в Пекашине в семидесятых годах: «домов новых наворотили с полсотни», повозвращались на твердый совхозный заработок (не чета бывлым горевым «трудодням») многие уехавшие прежде мужики; некогда Егорша поразил односельчан своим мотоциклом, теперь чуть не вся молодежь «на железных коней села», а малая ребятня — на «велики».

Последний роман пряслинской эпопеи недаром назван «Дом».

Дом — это и «малая родина» героев, неизбывная красота знакомой с детских лет земли с несмолкаемой «птичьей заутреней», с рекой Пинегой, которая «мать родная была для них», с чистыми борами над ней и отвоеванными отцами и дедами у лесов и болот полями и лугами.

Дом — это и портрет не только некогда воздвигнувших его предков-персонажей, но и его нынешних обитателей, когда, например, Егорша, порвав с женой Лизой и отсудив у нее часть их жилища, довел дело до того, что на месте бывшего, увенчанного деревянным конем красавца «торчала какая-то безобразная уродина».

Но даже когда в иных домах все вроде бы на месте, «народ другой стал», как горько говорит Лизка, чьи слова горячо подхватывает писатель в своей публицистике последних лет: «Исчезла бывлая гордость за хорошо распаханное поле, за красиво поставленный зарод, за чисто скошенный луг, за ухоженную, играющую всеми статьями животину».

Нет, далеко не все так ладно, как выглядит на вид, ни в самом Пекашине, ни даже в пряслинской семье, когда-то дружной и трогательной «бригадой» спешившей на покос (прекраснейшие страницы романа «Две зимы и три лета»!).

С директором совхоза Таборским у Михаила, по выражению Лизки, «никаких отношений нету — одна война». Когда Михаил восставал против посевов кукурузы, совершенно не оправдавших себя на Севере, директор уламывал его: «Платят тебе по высшему тарифу — не все равно, какой гвоздь куда забивать?» При Таборском в Пекашине утвердилась «хорошо накатанная колея» «благополучного» существования: «Зашибить деньгу, набить дом всякими тряпками и сервантами, обзавестись железным конем, то есть мотоциклом, лодкой с подвесным мотором, пристроить детей, ну и, конечно, раздавить бутылку... А что еще работяге надо?» И что с того, что окрестные поля зарастают (зрелище, потрясшее Лизиного свекра и ускорившее его кончину)?! Как писала архангельская уроженка поэтесса Ольга Фокина:

Рой, взрывавай, стирая грани!
Лес в дыму, земля — в золе.
Лишь бы нынче — рубль в кармане
Да бутылка на столе...

И случайна ли сама фамилия — Таборский? Ведь табор — нечто временное, непостоянное («бивак», «шатры бродячего народа» — среди прочих значений этого слова сказано у Даля), не связанное с землей, на которой стоит. Словом, в определенном смысле нечто противоположное дому. «Сегодня тут, а завтра там», — как говорилось в одной критической статье.

И не похож ли он на Егоршу? Такой же краснобай и балагур с ловко подвешенным языком, равнодушный к делу, но зато величайший умелец нравиться и производить впечатление. «Рано хоронить Таборского», — говорит он Михаилу, сообщая о своем назначении на очередную руководящую должность («Сегодня тут, а завтра...»!).

И неизвестно, настанет ли для него когда-нибудь момент жестокой самооценки, посетивший «неудачника, горюна и бедолагу», как сердобольно определяет Егоршу даже настрадавшаяся от его выходок Лиза:

«...Двадцать лет он топтал и разрушал человеческие леса, двадцать лет оставлял после себя черные палы... баб и девок перебрал — жуть. Всех без разбора, кто попался под руку, валил. Сплошной рубкой шел».

Если бы к тому набату, которым звучали и правдивая, ключая проза Абрамова, и многие произведения других «деревенщиков», как их быстро окрестила критика, вовремя прислушаться, — скольких бед избежала бы наша страна!

Но куда там... Власти только отмалчивались да клеймили за «очернительство», науськивали на писателя односельчан и земляков. Разгрому подвергся в прессе его очерк «Вокруг да около», вызвавший специальное постановление ЦК партии, поскольку автор выдал «государственную тайну» — что у колхозников не было паспортов. Нелегкая судьба была и у романов. Лишь в 1975 году за «Пряслиных» (еще трилогию до появления «Дома») писателю была присуждена Государственная премия СССР.

Однажды Абрамов пожаловался на то, что хотя половина его жизни была отдана повестям и рассказам, критики нередко смотрят на них как на нечто второстепенное.